

1

Старая бревенчатая школа темнеет среди голубых мартовских снегов. На покатую, сугробную, всю в длинных сосульках кровлю падают лёгкие тени сосен. По вешней погоде снег с влажных веток обрушился, деревья стоят лохматые, а над ними — синь, солнышко и кучевые прохладные облака.

В этой деревенской школе интернат для детей-ленинградцев.

Ленинградцы ждут здесь конца войны вот уже второй год. К сельскому тихому житью, к глубоким снегам ребятишки давно привыкли, как давно и крепко привыкли друг к другу.

Здание школы небольшое, и жильцов тут немного. Все они — малыши в возрасте от пяти до девяти лет. И только двое — Елизаров и Кукин — чуть постарше. Единственная воспитательница и учительница ребят, маленькая решительная женщина в старомодном пенсне, Павла Юрьевна, занимается с Елизаровым и Кукиным отдельно, по программе третьего класса. Таким своим особым

положением оба мальчика гордятся, держатся всегда вместе, даже кровати-раскладушки в спальне у них стоят рядом.

Но всё же полного равенства в этой дружбе нет. Кукин находится у Елизарова в некотором подчинении. Правда, в подчинении добровольном. Он очень уважает Сашу Елизарова. Уважает за высокий, не по годам рост, за умение произносить по утрам звонко и весело, на всю спальню, английское приветствие «Гуд мorning!», за удивительную начитанность, за ловкость в драке, если таковая случится с деревенскими, ужасно напористыми в бою мальчишками; уважает за всегдашнюю справедливость, за нежадность и за многое, многое другое, даже за причёску «чубчик».

Причёска кареглазому говорливому Елизарову очень идёт. Он храбро её отстоял перед Павлой Юрьевной, когда всех мальчиков стригли наголо, «под ноль».

Митя Кукин отлично понимает, что всех этих замечательных качеств у него самого нет и, наверное, никогда не будет.

Митя знает, что он хотя и силён, и крепок, да слишком низкоросл. Он знает, что его круглое девчоночье лицо некрасиво залепили веснушки, что, в случае чего, сдачи он дать никому не сможет: ему для этого надо рассердиться. А сердиться Митя не умеет совсем. Нрав у него добродушный, покладистый, как у дворового щенка.

Только всё это мелочи. Главная причина преклонения Кукина перед Елизаровым та, что у Саши есть отец, а у Мити отца нету.

А вот было время, когда и Саша Елизаров начал считать себя сиротой. Начал считать вот почему. Сашин отец – фронтовик, раньше на свою ленинградскую квартиру письма присылал часто, но когда Сашу перевезли в интернат, когда Сашина мама тоже ушла на фронт, потому что была военным врачом, то письма от отца приходят перестали. Они не приходили долго, почти целый год. От мамы, из окружённого фашистами Ленинграда, весточки были тоже очень редкими, и Саша очень волновался, а про отца думал, что он погиб. Думал, но не верил. И Митя с ним тоже не верил. Митя говорил:

– Вот погоди, Сашок, однажды утречком ты проснёшься, и на тумбочке у тебя будет лежать письмо...

И так оно всё и случилось. Прошлой осенью, как раз в день первого сентября, Саша проснулся, глянул, как всегда, на тумбочку, а там – письмо. Настоящее треугольное воинское письмо!

Митя письмо тоже увидел. И хотя письмо было не ему, но он обрадовался так же, как будто письмо получил сам, и побежал вместе с приятелем по всей школе, закричал:

– Ура! Сашкин папка нашёлся! Сашкин папка нашёлся! Он в госпитале раненый лежал!

А потом вдруг на душе у Мити сделалось ни с того ни с сего неприятно. Он затосковал, кинулся в тёмный чулан под чердачную лестницу, обнял там связку берёзовых черенков для метел — и заплакал. Заплакал от жалости к себе.

Он заплакал потому, что у него, у Мити Кукина, отец уже никогда не найдётся. Отец у Мити никогда никуда не пропадал, он просто давным-давно умер, когда Митя был ещё маленьким.

А вот мать и сестрёнки у Мити живы, но тоже куда-то исчезли. Случилось это в самые первые дни войны.

До того как началась война, жил Митя с матерью и с двумя сестрёнками, Дашей и Машей,

невдалеке от Ленинграда в совхозе «Дружная горка», и когда началась эвакуация, то все они поехали в товарном поезде на Урал.

Но Митя до Урала не доехал. Доехал он только до какой-то ленинградской сортировочной станции. На этой станции поезд стоял долго, была жара, всем хотелось пить. И Митя взял пустой чайник и, никому ничего не сказав, пошёл к водонапорной колонке за водой.

У колонки шумела толпа. Все лезли, кричали, толкались, — Митя тоже стал пробиваться к самому крану. И когда пробился, и набрал полный чайник, и пришёл на перрон, то на том месте, где стоял его поезд, увидел только пустые рельсы. Поезд ушёл, увёз неизвестно куда маму, увёз Дашу и Машу, и Митя остался один с полуведёрным чайником в руках.

Потом к Мите подошла чужая тётенька с красной повязкой на рукаве, стала выпрашивать, что да как, и на другой день Митя оказался в детском эшелоне, и вот приехал сюда в интернат.

Чайник тоже здесь. В нём разносят чай во время обеда, и малыши называют его: «Митин чайник»...

Под лестницей Митя плакал недолго. Других укромных местечек в интернате нет. Саша быстро его разыскал, вошёл в темноту, услышал жалостное Митино сопение и сразу всё понял. Он погладил

Митю по спине, по испачканной в пыли курточке и сказал:

– Не плачь, Митя. Вот увидишь, найдутся и твои, как нашёлся мой папа... Тут главное: терпеть, терпеть – и вытерпеть. Ты же сам так говорил.

2

Письма Саше Елизарову стали приходить чуть не каждую неделю, и в один прекрасный день Павла Юрьевна положила на Сашину тумбочку не всегдашний помятый треугольник, а настоящий конверт.

Он был твёрдый, довольно толстый, и в правом углу на нём была напечатана зелёная крошечная марка с портретом колхозницы в летней козынке.

По всему было видно: в конверте находится что-то очень важное.

Павла Юрьевна, наверное, думала так же. Она положила письмо и стала дожидаться, когда Саша его распечатает. А Саша конверт осторожно разорвал, и оттуда выпала большая, с глянцевым блеском фотокарточка.

Саша так прямо и вцепился в неё. Он ведь столько времени не видел отца, что уже и забывать стал, какое у него лицо, какие у него глаза. Но как только глянул, так отца узнал сразу, в одну секунду. Узнал, несмотря на то что на карточку отец снялся

не один, а с товарищем и, кроме того, отпустил усы. Небольшие усы, но густые и очень пышные.

Товарищ отца был тоже усатый, но чуть помоложе и улыбался так, что лукавые глаза его совсем защурились, а из-под чёрных усов блестели великолепные белые зубы.

Отец с товарищем стояли в обнимку. И стояли они не просто так, не где-нибудь, а прямо на палубе корабля у стального поручня. И по этому поручню, по краешку железной палубы, видной на фотографии, было совершенно понятно: корабль этот – боевой! И стоят на нём Сашин отец и его друг тоже в полной боевой морской форме. Да мало того, что в форме, а на кителях у них у каждого с правой стороны выпукло поблёскивает по новенькому звездастому ордену. Наверное, ордена моряки только что получили.

На чистой белой стороне карточки было написано синим карандашом:

«Саше Елизарову от капитана второго ранга С. Елизарова и от лейтенанта Н. Бабушкина.

Враг будет разбит, победа будет за нами! Пусть Гитлер помнит Сталинград, пусть помнит красных моряков на Волге!»

Павла Юрьевна как глянула на фотографию, так сразу похлопала по карману стёганой безрукавки, вынула тонкое, в блестящей оправе пенсне,

защипнула пружинками переносицу и, отнеся от себя фотографию на всю длину руки, произнесла:

– Ох, Саша! Какой у тебя геройский отец... Сразу видно, сталинградец! И лейтенант Бабушкин тоже герой, хотя о своих подвигах они ничего не пишут... Ты, Саша, когда станешь посылать ответ, не забудь поздравить с наградой товарища капитана и товарища лейтенанта от всего интерната и от меня лично.

Она положила фотографию, повернулась к окну, глянула в оконное стекло на себя, как в зеркало, почему-то вздохнула и быстро пошла к двери. А Саша крикнул ей вслед:

– Напишу! Обязательно напишу! – А ещё он громко добавил: – Май-о-о!

И это на языке североамериканских индейцев значило: «Хорошо! Прекрасно!»

Саша умеет разговаривать не только по-английски, а почти на всех языках всего мира. Правда, из каждого он знает лишь два-три словечка. Он выучивает их не по учебникам, а вычитывает из приключенческих книг, но всё равно Павла Юрьевна однажды назвала его «полиглотом». Назвала при всех, и все интернатские жители сначала смутились, потому как подумали: слово это ругательное. Но когда Павла Юрьевна объяснила, что так называют людей, знающих много иностранных языков, то и Митя, и все малыши стали уважать Сашу ещё больше.

Ответ на письмо с фотографией Саша послал в тот же день. Написал ли он там капитану Елизарову и лейтенанту Бабушкину привет от Павлы Юрьевны – неизвестно, а вот про Кукина Митю написал. Он сам прочитал эти строчки Мите вслух. Строчки были такие:

«У тебя есть друг, и у меня есть друг. Его зовут Митя Кукин. Ему десять лет, и у нас с ним всё вместе. Мы бы с ним тоже снялись на карточку, да фотографа у нас тут нет, и у Мити Кукина никого нет, ни отца, ни матери. А есть у нас только заведующая Павла Юрьевна, завхоз Филатыч и петух Петя Петров. Когда был мороз, Митя прятал петуха под своей кроватью, а ещё Митя колет дрова для кухни, носит воду, а я ему помогаю. Так что снять на карточку нас некому, не обижайся».

Капитан второго ранга Елизаров, конечно, не обиделся. Более того, он сам в ответном письме прислал Мите поклон, а лейтенант Бабушкин даже приписал снизу капитанских строчек большими буквами:

«ПРИВЕТ ТЕБЕ, МИТЯ КУКИН!»

Митя как увидел приписку, так сразу выхватил письмо из Сашиных рук, отбежал в сторону, прижал письмо к животу и чуть ли не криком сказал:

– Что хочешь делай, Сашок, а письмо отдай мне! Хочешь, я тебе за него свою новую шапку на твою старую сменяю?

— Не надо мне твоей шапки, — ответил Саша. — Что я, буржуй, что ли, на письмах наживаться? Если надо, так бери...

И вот с тех пор письмо с лейтенантским приветом Митя носит всегда в нагрудном кармане курточки и перечитывает его не меньше чем по два раза в день: утром после подъёма и вечером перед сном. А когда на сгибах появились дырки, Митя подклеил их варёной картошкой и газетной бумагой, и опять аккуратно сложил письмо, и опять убрал в карман.

Митя и сам бы послал лейтенанту Бабушкину письмецо, да начинать переписку первым всё не решался. Писарь он был никудышный, очень боялся наделать в письме ошибок и тем самым испортить у лейтенанта Бабушкина о себе впечатление. Митины успехи за партой не очень-то велики. Он хотя и старается, и плохих отметок у него почти не бывает, но и хорошие проблёскивают редко.

— Середнячок ты у нас, Митя... — нет-нет да и скажет Павла Юрьевна, когда ставит ему очередную тройку в дневник.

Ставит, вздыхает, но и тут же спохватывается, начинает утешать:

— Ничего, ничего. Порою способности приходят позже. Так случалось со многими умными и впоследствии очень знаменитыми людьми. Главное, чтобы человек был надёжным. А ты, Митя, —